

КТО ПРЯТАЛСЯ под маской знаменитого драматурга всех времен? Сонм любителей-изыскателей, а также и некоторые профессионалы-литераторы по обе стороны Атлантики полагают: скорее всего, действительный автор великих пьес и сонетов был кто-то из подданных двора Тюдоров (Елизавета I).

Когда нынешние профессора-шекспироведы собираются на коктейль-встречах по тому либо иному поводу, то они зачастую попадают в трудное положение. Рано или поздно, но кто-нибудь из приглашенных обязательно вспомнит об английском драматурге и поэте, чтобы из первых, как говорится, уст узнать у присутствующих здесь ученых мужей про истину в первой инстанции, а уж тем паче в данном вопросе. Хотя, как неоднократно случалось, последние подчас не имели настроения высказываться. Зато у многих теплилось желание узнать непосредственно от спецов: какой же современник той же королевы Елизаветы I из династии Тюдоров — подлинный Шекспир?

Данная англосаксонская тема для светских, и не только, разговоров стала в ушедшем году чуть ли не приоритетной в интеллигентных кругах Старого Света, лидируя в последнее время в большей части развитых стран Европы и крепко застряв даже у среднего обывателя в мозгу. На протяжении почти что двухсот лет эта тема периодически поднимается в общественном сознании людей. Последний раз о «Шекспировском заговоре» средства массовой информации стали трубить в начале нынешнего века, когда французский генерал Картье (шеф шифровальной службы) и его американский коллега полковник Фабиан после первой мировой войны занялись разгадкой произведений Фрэнсиса Бэкона. Подобрал ключ к автобиографии этого придворного вельможи и знаменитого ученого, а главное, задействовал группу криптографов из шпионского ведомства, Картье и Фабиан с успехом расшифровали сей таинственный документ. В этих «подпольных мемуарах» Ф. Бэкон сообщил такие сенсационные откровения, как то: что он — не кто иной, как законный сын королевы Елизаветы I, а под множеством драматических произведений имярек подписывался как Спенсер, Бен Джонсон, Кристофер Марло и, наконец, **ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР**. В 1924 — 1925 годах в журнале «Меркюр де Франс» в связи с этим были опубликованы обширнейшие материалы о Ф. Бэконе. Но прошло время, и эту «красивую» версию в пух и прах разгромили специалисты. И несмотря на бесспорные доказательства и то, что «секретная автобиография» английского ученого более напоминала известные места в «Записках сумасшедшего» Н. Гоголя, но в ушедшем году «бэконовский» след был вновь реанимирован, зато уже отечественными журналами. Конечно же, нет ничего дурного в том, что ныне сквозь официоз принятых мнений у нас в России с трудом, будто робкие лучики света из тьмы веков, а пробиваются новые взгляды на ту или иную проблему в общем и Шекспира в частности. Например, в Америке граф Оксфордский (Эдвард ди Вир) — самый популярный претендент на авторство шекспировских произведений (достойна внимания в этой связи книга австрийского эссеиста Вальтера Клира «Шекспировский заговор»). С ним тезисом, пожалуй, поспорит другой, а именно: мнение громадного числа адептов графа Ретлендского (Роджер Мэннерс), имя которого увязывается с гениальным наследием В. Шекспира уже с начала XX века. Российская публицистика не обошла и этот, так называемый «след» графа Ретлендского, лишь бы развенчать гений урженца из Стратфорда-на-Эйвоне.

1. Так кто же скрывался под фамилией Шекспир, когда речь шла о великих произведениях XVI века? Этот вопрос уже 200 лет занимает умы филологов, любителей загадок и теоретиков тайных заговоров. Но вот за дело взялись эксперты и стали наводить мосты почти что через пропасть, пытались идентифицировать исторический портрет В. Шекспира и такие всемирно известные шедевры, якобы им написанные, как «Король Лир», «Отелло», «Ромео и Джульетта».

Кроме того, в течение этих самых двух веков принимались разного рода поиски в дошедших до нас письмах, настольных Библиях, либо в записных книжках или дневниковых воспоминаниях бардов того времени. Подобные изыскания не прекращались вплоть до сегодняшних дней. Грустно констатировать, но подавляющее большинство исследований смогли выявить к жизни разве тощие сведения из истории этого гениального драматургического и поэтического наследия. И не более того. Несмотря на то, что во всем мире за один год публикуется до... 4000 книг, эссе, статей, посвященных В. Шекспиру.

Само собой, что жизненный путь провинциальных людей трудно проследить от рождения до самой смерти. Если только схематично, как и в случае с В. Шекспиром, который появился на свет в 1564 году, а ушел из жизни в 1616 году, причем в один и тот же день — 23 апреля. Тут все более-менее ясно. Зато поражает то — особенно антистратфордианцев, — что каждое прославленное произведение автора с пометкой «Шекспир» никоим образом не было отражено ни в его завещании, ни еще как-либо, а посему не давало никакой дополнительной информации, особенно для честных и беспристрастных изыскателей.

Подобный дефицит данных приближает к финишной черте такой неудобный и достаточно неинтеллигентный вопрос: а возможно ли, чтобы во всем первенствовал, как заявил в своем опусе английский исследователь Альфред Карр:

«Деревенский олух из грязного захолустного Стратфорда» — являя собой автора всех гениальных драм, эпоей и сонетов?

И реально ли (следуя терминологии данного автора), чтобы сын перчаточника, которого не раз журили за не вполне светскую речь и королевское произношение, смог бы создать знаменитого «Гамлета»?

II. Ну а факты таковы: 26 апреля 1564 года в провинциальном городке Стратфорде-на-Эйвоне крестили простого смертного по имени «Guilielmus, filius Johannes Shakespeare» (Гильельм, сын Иоганна Шекспира). А 18 лет спустя вышеназванный отрок женился на некоей Энн Хетеуей, старшей из дочерей названного семейства, согласно дошедшим до нас документам. Ну а позже уже супруги своего оборотистого мужа (В. Шекспира) или, как до нас донесли разные источники, — продавец земельных участков и посредник в торговых сделках (к слову сказать, в 1598 году этот предприниматель — все тот же В. Шекспир — приобрел в Стратфорде каменное хранилище, зарегистрированное как помещение для зерна и солода, а годом ранее заключил «полюбовную сделку» о купле дома Нью-Плейс).

Паразитнее всего то, что В. Шекспир, незадолго до 1592 года покинувший Стратфорд ради Лондона, благодаря ветру странствий, который «гонит молодежь искать свою судьбу вдали от дома и опыт приобрести», довольно скоро приобретает популярность (и не только в столице) — он стал уже в 1594 году автором галантного эпоса «Лукреция». Такому факту многие люди спустя пару сотен прошедших лет просто не придают никакого значения, а в лучшем случае не задумываются. Они охотнее всего предпочитают нудному выкальванию фактов из прозы жизни нечто романтическое, возвышенное, утонченное. Иными словами, сей «ворона-высочка» (по выражению некоего Роберта

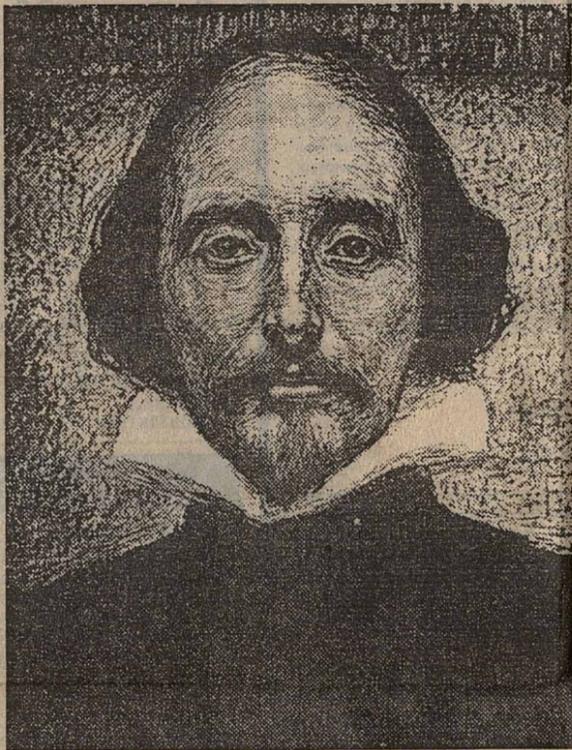
Грина в памфлете «На грош ума») взял да и написал шедевр «Лукреция» — и баста!

Разумеется, ничего не было удивительного в том, что артистом в Лондоне мог стать провинциал из Стратфорда. Но так, чтобы через довольно ограниченный промежуток времени оказаться ни больше ни меньше поэтом и драматургом, сумевшим к тому же великолепно обобщить культурные, исторические да и естественнонаучные достижения своей эпохи, а главное — умудрившимся пленительно зафиксировать все мысли, чувства, человеческие коллизии на бумаге. Таковым, по всей видимости, должен был оказаться мужчина с ангельским характером, к тому же он представлял собой превосходную, интереснейшую и неординарную личность своего времени. Или, лаконично говоря, **ГЕНИЙ!**

Как жил-был, каким образом жил-существовал сей удивительнейший автор в действительности, если попытаться представить его царствующих героев из все-

ЗАГОВОР ПО ИМЕНИ «ШЕКСПИР»

Некоторые замечания к поиску «следов»

С офорта К. БАУЕРА

мирно известных произведений? Это во-первых. Откуда взялись меланхолические шекспировские стихи, которые были созданы, по сути, подлинным супергамлетом, будто бы на одном дыхании и с необыкновенной легкостью трансформирующиеся в аристократическую мировую скорбь? Это во-вторых.

И возможна ли была на самом деле «стратфордиана» (так консервативная наука помечает жизнь и судьбу великого уроженца Стратфорда, или Вильяма Шекспира)? Именно в подобной высокомерно-издевательской манере пытаются вести спор противники реально существовавшего гения Шекспира, объединенные в своей «антистратфордиане», вычлняя напроць «оригинала»-Шекспира, а все драматические и поэтические шедевры с необыкновенной легкостью перепиывая на имя совершенно иного человека, а то и группы людей. Согласно подобным изысканиям чуть ли не 60 персон набирается в кандидаты авторства всемирно известных произведений. Это и упоминаемый выше Фрэнсис Бэкон, граф Оксфордский или Ретлендский, а может быть, поэт Кристофер Марло и даже принцесса Тюдоров Елизавета I. И так далее, и тому подобное.

Разумеется, бесспорно и то, что вышеназванные графы из Оксфорда и Ретленда — захватывающие фигуры британского позднего Ренессанса.

Тезис, согласно которому «Шекспир» — это кто-нибудь из эксцентричных дворян, возник впервые уже в 1918 году благодаря лондонскому педагогу Дж. Томасу Луней. Этот литературный детектив представил чек-лист (на базе вновь полученных данных, а не только стратфордского регистра), в котором содержалось все то, что определяло подлинного Шекспира и должно было испытать на прочность данную версию.

Откуда же возник гипотетический портрет высокоаристократического мужчины, великолепно воспитанного и имеющего доступ во властные круги? С подобной установкой Луней взялся за персональное изучение «шекспировского» времени, подступив наконец к тому моменту, когда с помощью литературных доказательств ему удалось активно задействовать оксфордского графа Эдварда ди Вира как находку, как сенсацию.

С тех самых пор «оксфордианцы» полагают, что они окончательно разрешили загадку «Шекспира». Однако в настоящее время общественность должна ни на йоту не сомневаться в такой постановке проблемы, но этого-то нет. Так вот эта «секта» мечтает (а заметим, что здесь уже нет того академизма, как было раньше) нанести последний и окончательный удар по данному

вопросу и восторжествовать полноправными победителями и до окончания века господствовать в той науке, которая называлась бы «Шекспировской индустрией». И теперь доверчивые бюргеры и бюргерши, с затуманенным сознанием современных масс-медиа, подобным же образом воспринимают сообщения о всем тайном, запретном, загадочном. Ну а нынешние борзописцы с размахом повествуют о различных заговорщицких союзах, с мазохистским удовольствием упражняясь в геральдике, палеографии или же философии Ренессанса, навоя, естественно, тень на плетень в таком вопросе, как «тайна известнейшего драматурга всех времен и народов». А их откровенной точкой, вокруг которой вращается весь остальной мир, является «тайна Шекспира», своеобразная ось, на которую накручено еще больше других всяких загадок, подавляющих своей запутанностью главную: о самом Вильяме Шекспире.

Нам кажется, что обман, если он имеет место, должен раскрыться, а истина — восторжествовать. В этом направлении интересны изыскания, проведенные литературным докторантом из США Роджером Штриппером в его вашингтонском «Исследовании Шекспировской библиотеки». Он просмотрел Библию из наследия Эдварда ди Вира, обратив, конечно же, внимание на многочисленные пометки, сделанные на полях и в тексте сим благородным мужем елизаветинской эпохи. Так вот, указанный ученый и его приверженцы утверждают, что известные подчеркнутые графом места в Библии и найденные в шекспировском наследии их продолжение в качестве криптоцитата — все это красноречиво свидетельствует об авторстве графа Оксфордского как минимум высочайшей поэзии, известной нам под именем В. Шекспира.

И все же... И все же эти достаточно косвенные обстоятельство, якобы проливающие свет истины на данную проблему, мал оубе д и т е л ь н ы. Поэтому мы не будем становиться по мановению волшебной палочки, вручаемой нам уважаемым докторантом из Вашингтона, завязывая «оксфордианцами». Следует ли нам ничтоже сумняшеся признавать графа-поэта ди Вира величайшим автором стихов либо драматических произведений, шедших на лондонских подмостках «Глобуса» или других театров в те стародавние времена, только на том основании, что он по каким-то обстоятельствам — из-за политических ли резонансов, а то и в соответствии с сословными догматами — воздерживался от снятия инкогнито со своего литературного призрака, или, как сейчас говорят, хобби? Тем паче что фактически граф Оксфордский, например, активно занимался собственной театральной труппой и блистал при лондонском дворе с частными программами для королевы эдакого отдыхающе-развлекательного характера. Мог ли он, скорее автор у лондонской буржуазии, нежели тайно прячущийся под псевдонимом «В. Шекспир» драматург, который в строжайшем секрете ставил свои пьесы на подмостках «Глобуса»-театра, не только никак не почитавшегося в его родных дворянских кругах, а скорее наоборот — высокомерно презираемого за средоточение не высокого и чистого искусства, но скабрзности и примитивизма обнаглевшей городской черни? Вот в чем главный, как нам кажется, вопрос вопросов.

III. Сверхзадача данного тезиса. Подобный тезис предполагал наличие на сегодняшний день существования мощной, глубоко эшелонированной тайны или заговора с дожиной как минимум соучастников, некоторые из них были повязаны «страшной тайной», зато путь-дорога этих записных избранников в гении неизменно вела в Стратфорд. Ну а в уже 1623 году, после смерти В. Шекспира, вышло так называемое полное собрание сочинений великого драматурга и было установлено известное всем надгробие с бюстом В. Шекспира у него на родине. И, по-видимому, с тех пор имя Шекспира стало медленно и верно набирать ту значимость и тот вес, который достиг наконец классическую законченность и мемориальность, известную уже потомкам и, конечно же, нам. И все теперь, связанное с гениальным наследием, стало недвусмысленно идентифицироваться с прославленным стратфордианцем и его земляками. Ну а та местность как бы освящалась знаменитым В. Шекспиром и навечно делалась местом паломничества на Британских островах.

Ну а сегодняшние друзья и апологеты графского «следа» в упомянутом драматургическом и поэтическом наследии упрямо полагают, что только высокообразованный дворянин и аристократ, а ни в коем случае не сын ремесленника из предместья мог быть и слыть автором великих сочинений, в которых разбросаны намеки — своеобразные жемчужины-истины из всевозможных областей знаний, накопленных человечеством на тот момент. Тут «антистратфордианцы», как говорится, на коне. Они вздохнув утверждают то, что сей автор просто был бы обязан и должен хорошо знать в целом античную литературу, быть «на ты» с Библией, сведущим во многих искусствах, известных в те стародавние времена. Кроме того, он, предполагаемый сочинитель, должен был располагать историческими и географическими знаниями и быть в курсе правительственных сфер, то есть тогдашних коридоров власти. Вот какие аргументы подбрасывают нам «оксфордианцы» с «ретлендианцами». Все эти тезисы, может быть, и согласуются с сомнениями, к примеру, знаменитого Отто Бисмарка, который тоже кое в чем не был уверен относительно авторства В. Шекспира. Но подобные сомнения или версии страшно далеки от окончательного и бесспорного доказательства.

Разумеется, если следовать вышеприведенной логике, то Гомер должен был бы контактировать напрямую с самим Господом Богом, потому что никто в конце концов не смог бы лучше из существующих авторов Древней Эллады, кроме как на Олимпе, создать великую фабулу и раскрыть сюжет божественной «Илиады».

IV. Совместная работа по разгадке. «Гомеровской» можно было бы назвать разведку боем, поднимаемую в нашем опусе проблему В. Шекспира, которую активно разрабатывают приверженцы графа ди Вира. Хотелось бы отметить, что насчет «Илиады» ведущие древние филологи пришли к однозначному выводу лишь в XVIII веке: мол, известнейший греческий творец «Илиады» и «Одиссеи» мог создать свои произведения, только он; и никто более. И Боги с Олимпа тут, как выяснилось, ни при чем. Здесь присутствуют незримые параллели с нашей загадкой, когда под «Шекспиром» подразумевается не то уроженец Стратфорда, не то Оксфорда или Ретленда, а некоторые оптимисты полагают, что здесь потрудился целый авторский коллектив, как это практикуется сегодня в Голливуде для создания филь-

мов. Таким образом, как ни пытаешься разглядеть данную проблему под увеличительным стеклом высокого разрешения, даже привлекая для этого электронный микроскоп, чтобы выявить хотя бы элементы предполагаемого авантюрно-приключенческого заговора, в котором участвовала якобы сама королева Елизавета I или даже ее преемник на троне Якоб I, то достовернее всего, как единственно верной, кажется авторство В. Шекспира, этого «сына перчаточника», как выражаются некоторые публицисты.

Геннадий СМОЛИН

г. ОБНИНСК, Калужская обл.